

Бирюков С. В.

БЫТЬ ВИЗАНТИЙЦАМИ? К.Н. ЛЕОНТЬЕВ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

Для цитирования: Бирюков С. В. Быть византийцами? К.Н. Леонтьев и политическая современность // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2024. Т. 5. № 4. С.106-107

Популяризация евразийства (при всех остающихся вопросах), равно как и попытки актуализировать наследие других консервативных мыслителей (того же самого Ивана Ильина, все чаще позиционируемого сегодня в качестве ключевой фигуры отечественного консервативного «пантеона») превратились в устойчивый тренд современной российской публичной жизни.

В связи с этим требуется осмысление возможностей и других возникших на российской почве консервативных теорий и концепций – среди которых не стоит забывать и «византийский проект» Константина Леонтьева, ставший своеобразным «краеугольным камнем» его философии. Для нас прежде всего важно то, что исторический византизм – это не чистая идеологическая конструкция, но полновесный исторический и культурно-цивилизационный феномен, различные стороны и грани которого требуют своего осмысления применительно к особенностям современной эпохи. Что особенно важно для России, являвшейся в свое время значимой составной частью византийской «ойкумены» (пусть и находившейся на ее географической периферии).

Идеи Леонтьева, его культурно-цивилизационные рефлексии и политические интуиции вплоть до последнего времени отождествляются с «узколобой» реакцией, с охранительным курсом Александра III – что представляется автору весьма узким и ограниченным взглядом. Мрачные пророчества мыслителя о неизбежной тупиковости общественного прогресса, призыв «властвовать беззастенчиво», предсказание о социализме как о «новом феодализме» (т.е. о неизбежности воспроизведения в России «служебной иерархии» в силу особенностей страны и сложившегося в ней типа государства) не умаляют других его идей, которые подтвердили свою глубину и предсказательную силу.

Концепция Леонтьева в целом виде изложена в книге «Восток, Россия и славянство», которую он писал, еще находясь на дипломатической службе. При этом «старые» славянофилы встретили книгу прохладно, отказались публиковать ее из-за категоричных выводов мыслителя, его ярко выраженного скептицизма по отношению к судьбам России. В свою очередь, деятельность славянофилов (к кругу которых некогда принадлежал философ) казалась Леонтьеву следованием духу «буржуазного либерализма», что в его понимании было последней степенью интеллектуальной, нравственной и культурной деградации этого направления.

Вполне в духе мировоззрения эпохи Александра III Леонтьев призывал «заморозить» Россию с помощью «госу-

дарственно-охранительных» мер, дабы не позволить ей пойти по разрушительному «прогрессистскому» пути и уничтожить свою самобытную культуру (что было для него куда значимее текущих политических задач тогдашней российской власти). За подобную измену «исконному славянофильству» он был в конце концов исключен из «Славянского благотворительного общества» видным славянофилом того времени генералом Н. А. Киреевым, знаменитым участником сербо-черногорско-турецких войн.

Немаловажно, что учение Леонтьева создавалось под непосредственным влиянием теории культурно – исторических типов Николая Данилевского, «учеником и ревностным последователем» которого Леонтьев долгое время себя декларировал. При этом книга Данилевского «Россия и Европа» воспринималась им не догматически: она дала ему толчок для развертывания собственных суждений и теорий. В центре построений Леонтьева, как и у Данилевского, находилась жизнь народа как органического целого, как культурно-цивилизационной общности. Чем полезны для сегодняшней России доктрина Леонтьева и апелляция к византизму как к культурно-цивилизационному феномену?

Следует помнить, что историческая Византия (и собственно византизм как политический феномен и стиль) – это не только гибрид императорской монархии, теократии и милитократии, но и богатый опыт использования сдержек и противовесов во властно-государственном механизме (Согласно Леонтьеву, «исторический фундамент» России составляют три исходных начала: византийское самодержавие, византийское православие и византийские нравы). Это не только гипертрофированный бюрократизм, ставший в итоге одной из причин упадка и итогового крушения Восточной Римской Империи – но и опыт весьма эффективного (по крайней мере, в течение нескольких веков) управления государством, составленным из столь разнородных провинций.

Помимо этого, византизм – это искусство тонкой (и нередко весьма эффективной) дипломатии в не самом благоприятном внешнем окружении. Кроме того, византизм – рассмотрение и попытка решения национального вопроса в многонациональной империи с позиций религиозно-цивилизационного подхода. В этнокультурном смысле византизм – это умение управлять сложностью, которую представляла собой многонациональная Империя.

Примечательно, что у Леонтьева сложность рассматривается как вызов и как фактор развития России, не позво-

ляющий ей перейти в «застойное» состояние. Наконец, византизм – это признание необходимого и неизбежного разнообразия как залога развития и самого условия существования Империи (большого пространства). И неслучайно, что «единство в многообразии» как исторической предопределенности для России является стержневой идеей всего творчества К. Н. Леонтьева. Посему, если у России не получилось стать «альтернативным Западом» (ибо Запад так не принял Россию как свое alter ego, а в глазах поднимающегося ныне Востока сама Россия выглядит скорее как не слишком удавшийся Запад), то выход надо искать на собственный почве. И если империя для России является неизбежностью (как форма объединения многих народов вокруг единого государственного стержня, с соответствующими историческими модификациями), то у этой Империи должны быть надежные и недвусмысленные цивилизационные основания – поскольку ни одно «большое пространство» не может существовать без универсальных смыслов.

Славянофилы, в свою очередь, также предложили собственный вариант цивилизационной матрицы для России, но последняя не включала в себя все этнокультурное многообразие России. Неразрывно связанное с идеей национального самоутверждения национально-демократическое движение уверенно вписалось в «общеевропейский вектор» и в возникшую в Западной Европе концепцию политической нации, но при этом не сформировало подход к управлению «сложносоставной» и «сложноустроенной» Россией. Чем же актуален на этом фоне рассматриваемый нами мыслитель? Главный тезис Леонтьева, его политическое кредо – не только и не столько «подмораживание» России, не апология деспотизма и централизма – но предоставление ей возможности развиваться с целью максимально воплотить в себе ту самую «цветущую сложность».

Это не только ревизия изначального панславизма (разделившая Леонтьева и современных ему участников славянофильского движения) и понимание ограниченных возможностей этой политической идеи Леонтьев дал четкий и определенный ответ на вопрос о цивилизационной идентичности России, связав ее с византизмом. Следуя логике Леонтьева, для России, византизм (в культурно-цивилизационном смысле) – это движение на христианский Восток, но без потери (растворения) своей цивилизационной идентичности.

Не менее важен акцентированный Леонтьевым именно

религиозный и цивилизационный, а не этнический фактор объединения России (не исключая, разумеется, и полноценного учета этнического фактора). Не меньшее значение имеет идея о необходимости сильного государственного стержня как условия сохранения поликультурной и полиэтнической России. По мнению автора, К. Н. Леонтьев привлекателен для нас сегодняшних своей нетенденциозностью. Его доктрина, даже при наличии целого ряда вызывающих критику и неприятие высказываний и суждений, содержит в себе глубокие интуиции, касающиеся не только прошлого, но настоящего и будущего России. Его доктрина выдержана в духе «творческого консерватизма», с глубоким пониманием основ жизнеспособности существующих социальных систем.

Учение Леонтьева – одна из первых попыток создать обобщенное учение о природе, истоках и корнях российской цивилизации, обосновать ее уникальность, а наряду с этим – предвосхищение современной концепции культурно-исторических типов (положения которой развили О. Шпенглер, К. Ясперс, А. Тойнби). Можно рассматривать взгляды К. Леонтьева как реакцию консервативно-дворянского идеолога (как понимал его творчество Александр Янов) на растянутую во времени модернизацию России, или же – как попытку идеологически обосновать политический курс Александра III, однако реально содержание его идей гораздо шире и глубже указанной политической платформы. Его концепция стала обобщением идей предшествующих российских консервативных мыслителей, она одновременно предвосхитила повестку для последующих дискуссий консерваторов и либералов («Боюсь, как бы история не оправдала меня...») – написал однажды Леонтьев, как бы отвечая на обвинения в необычной для русских мыслителей холодности и кажущемся равнодушием к судьбам России).

Как представляется автору, творчески переосмысляя идеи Леонтьева применительно к сегодняшней ситуации, мы неожиданно для себя можем найти ответы на вопросы, связанные с самоидентификацией России и ее самопозиционированием в современном, наполненном конфликтами и кризисами мире. Эпоха цивилизационной и интеллектуальной аморфности действительно должна закончиться, а выбор консервативного вектора общественно-политической мысли призван помочь России лучше понять саму себя и найти новый качественный вектор развития.

С разрешения автора текст взят с ресурса: <https://politconservatism.ru/blogs/byt-vizantijsami-k-n-leontev-i-politicheskaya-sovremennost/> / Ссылка активна на 15.10.2024

Информация об авторе:

Бирюков Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры истории ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.
E-mail: birs.07@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4071-0464

Author:

Biryukov Sergey Vladimirovich, Doctor of Sciences in Politics, Professor, Department of History, Kemerovo State Medical University.
E-mail: birs.07@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4071-0464